

имеющим целью описать ситуацию в идеологически выгодном для комментатора свете.

Список литературы

1. Жукова Ю.В. Манипулятивное пояснение в политическом дискурсе / Ю. В. Жукова // Гуманитарные исследования. – 2013. – № 3 (47). – С. 85–92.
2. Карасик В. И. Языковая кристаллизация смысла / В. И. Карасик. – Москва : Гнозис, 2010. – 351 с.
3. Касьянова Л. Ю. Коннотативно-прагматическое содержание неологизма / Л. Ю. Касьянова // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. – 2007. – № 28. – С. 36–49.
4. Леонтьев В. П. Новейшая энциклопедия Интернета 2005 / В. П. Леонтьев. – Москва : ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2005. – 720 с.
5. Михалева О. Л. Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия / О. Л. Михалева. – Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 256 с.
6. Мюллер В. К. Большой англо-русский и русско-английский словарь. 450 000 слов и словосочетаний. Новая редакция / В. К. Мюллер. – Москва : ООО «Дом Славянской книги», 2010. – 960 с.

References

1. Zhukova Ju. V. Manipuljativnoe pojasnenie v politicheskom diskurse // Gumanitarnye issledovanija, 2013, №3 (47), pp. 85–92.
2. Karasik V. I. Jazykovaja kristallizacija smysla. Moscow, Gnozis, 2010. 351 p.
3. Kas'janova L. Ju. Konnotativno-pragmaticheskoe sodержanie neologizma // Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A.I. Gercena, 2007, № 28, pp. 36–49.
4. Leont'ev V. P. Novejšhaja jenciklopedija Interneta 2005. Moscow, OLMA-PRESS Obrazovanie, 2005. 720 p.
5. Mihaleva O.L. Politicheskij diskurs: Specifika manipuljativnogo vozdejstvija. Moscow, Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2009. 56 p.
6. Mjuller V. K. Bol'shoj anglo-russkij i russko-anglijskij slovar'. 450 000 slov i slovosochetanj. Novaja redakcija. Moscow, Dom Slavjanskoj knigi, 2010. 960 p.

ДИСКУРСИВНАЯ ОБРАЗНОСТЬ СЛОВА

Беззубикова Марина Валерьевна, кандидат филологических наук, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: mv55@yandex.ru.

В статье рассматривается дискурсивная образность слова, уточняется содержание данного понятия, определяются когнитивно-дискурсивные свойства образного слова в тексте.

Ключевые слова: образ, образность, словесный образ, текст, метафора

DISCURSIVE IMAGERY WORDS

Bezzubikova Marina V., Candidate of Philological Sciences, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, 20a Tatishchev st., e-mail: mv55@yandex.ru.

The article examines the discursive imagery words, specifies the contents of this concept, defined cognitive-discursive properties of figurative words in the text.

Keywords: image, imagery, verbal image, text, metaphor

Образность является сложной и многозначной категорией и представляет интерес для многих областей научного знания. Современные исследования в области изучения образного видения мира демонстрируют интерес к этой проблеме с принципиально новых позиций, которые выходят за рамки компетенции области лингвистики.

На наш взгляд, одно из центральных направлений лингвистики, которое определяется многими исследователями как «антропологическая», позволяет определить образность с учётом логико-философского, когнитивного, психологического и эстетического содержания. Существующие в настоящее время концепции образности, в частности лексической образности, разработанной представителями Томской лингвистической школы О.И. Блиновой и Е.А. Юриной, являются плодотворными для возникновения дискурсивной образности слова. По определению Е.А. Юриной, «образность понимается как лексико-семантическая категория, обобщающая структурно-семантическое свойство единиц лексико-фразеологического уровня языка, проявляющееся в способности обозначить определённое явление внеязыковой действительности (предмет, свойство, процесс, ситуацию) в ассоциативной связи с другим, не тождественным обозначаемому, явлением на основе их реального или мнимого сходства посредством метафорической внутренней формы языковой единицы» [7, с. 27]. Проиллюстрируем это на примере отрывка из рассказа Л.Е. Улицкой «Орловы-Соколовы», в котором используются фразеологизм и метафора: «Теперь оба готовились **сражаться на новом поле научной карьеры**, в лучшем учебном заведении, на одном из самых сложных факультетов. **Любое море было им по колено**, и, казалось, само море заранее согласилось покорно плескаться у колен и выбрасывать к их ногам всяческие **жемчужины**...» (здесь и далее выделено автором – М.Б.)

Индивидуально-авторская метафора (*жемчужины*) и фраземы (*море по колено*, *сражаться на поле*) формируются на основе ассоциативных связей предметно-чувственных образов в процессе креативного мышления, в основе которого лежит поиск аналогии между познаваемыми явлениями и их уподоблением. Такие метафоры и фразеологизмы репрезентируют типовые образы национальной культуры. Обязательным свойством как языковых, так и речевых образов, возникающих на базе метафорического или метонимического освоения действительности, является их двойственная природа, которая роднит словесную образность с изобразительно-выразительной сущностью соответствующего художественного текста.

Концепция лексической образности основана главным образом на логико-понятийном осмыслении обозначаемой реалии, что существенно лишь для первого этапа возникновения дискурсивной образности. Для создания же дискурсивной теории словесной образности целесообразно обратиться к когнитивной теории образного слова. Когнитивная природа, а именно процесс «декодирования» и «расшифровки» образного содержания, заключается в том, что языковые единицы различных уровней способны вызвать в нашем сознании наглядные представления, яркие картины, на фоне которых мы воспринимаем предметно-вещественное и понятийно-логическое содержание этих единиц. По мысли Ю.П. Солодуба, «одно из основных лингвистических средств создания образности – смысловая двуплановость компонента, возникшая при его семантической переориентации, при одновременном совмещении в одном языковом знаке его старых и новых гносеологических связей» [6, с. 4].

По нашему наблюдению дискурсивная образность совмещает в себе языковые и психические явления. «Психологическая действенность образа в искусстве, – отмечает И.В. Арнольд, – основана на том, что образ воспроизводит в сознании прошлые ощущения и восприятия, конкретизирует информацию, получаемую от художественного произведения, привлекая воспоминания»

нения о чувственно-зрительных, слуховых, тактильных, температурных и других ощущениях, полученных из опыта и связанных с психическими переживаниями» [2, с. 74]. Например, А.И. Куприн в повести «Жанета» использует индивидуально-авторские метафоры, которые создают яркий образ, и в их актуализации участвуют психические процессы: *«Газеты, говорил он, это не духовная пища, а так, грязная **накипь** на жизни-бульоне»*. Метафоры *грязная накипь* и *бульон* создают конкретно-чувственное, наглядно-образное представление объектов окружающего мира (газеты, жизнь). Превращение образного смысла в значение метафорического слова осуществляется нашим языковым сознанием. Слово служит не только эталоном для идентификации познаваемого предмета или явления, но и средством репрезентации его ассоциативно-образной ценности. Лексема *накипь* – ‘пена, грязь на поверхности кипящей жидкости, а также твёрдые образования на стенках посуды, ёмкости, в которой что-нибудь кипело, кипятилось’ [5, с. 383] – имеет потенциальную сему ‘что-то неприятное, ненужное, мешает чему-то’. Это потенциальная сема более ярко актуализируется в отрывке из рассказа А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича»: *«Иван Денисыч! Молиться не о том надо, чтобы посылку прислали или чтоб лишняя порция баланды. Что высоко у людей, то мерзость перед Богом! Молиться надо о духовном: чтоб Господь с нашего сердца **накипь злую снимал**»*. В этих метафорах происходит кодирование социально значимого речевого смысла, «интерпретированного в когнитивно-дискурсивном «котле» [1, с. 105].

Как элемент содержательной формы образное слово в художественной речи подвергается многогранным, подчас кажущимся невероятным превращениям. Его смысловой объём может подвергаться различным трансформациям: а) изменяться, усложняясь эмоционально-оценочными наслоениями, б) перестраиваться в его синтагматических связях с окружающими словами, в) высвечиваться в неожиданных образных гранях, г) возникать в «близких» и «дальних» ассоциациях. Так, рассказ М.А. Шолохова «Обида» начинается с описания природы: *«По степи, приминая низкорослый, **нерадостный хлеб, плыл с востока горячий суховей. Небо мертвенно чернело, горели травы, по шляхам позёмкой текла седая пыль, трескалась выжженная солнцем земляная кора, и трещины, обугленные и глубокие, как на губах умирающего от жажды человека, кровоточили глубинными солёными запахами земли. Железными копытами прошёлся по хлебам шагавший с Черноморья неурожай»***.

Данный отрывок передаёт чувственные представления о номинируемых предметах и явлениях, экспрессивно-оценочное восприятие всей денотативной ситуации. Так, словесный образ *солёный запах земли* передаёт вкусовое ощущение. Кроме того, живая внутренняя форма *сол-ёный* оказывает существенное влияние на актуальный смысл данного словесного образа – образ выжженной солнцем земли. Кроме этого, образность данного отрывка создаётся с помощью образного сравнения, метафор и эпитетов (*нерадостный хлеб, плыл горячий суховей, текла седая пыль, трещины, обугленные и глубокие, как на губах умирающего от жажды человека, небо мертвенно чернело, трещины кровоточили*). Образность этого отрывка создаётся «не только внутрисктурными средствами смысловой мотивации, но и дискурсивными факторами» [3, с. 29].

Дискурсивные факторы обычно сопряжены с чувственными образами реалий, с мотивированностью и ассоциативным мышлением. «Только в определённом дискурсивном поле слово приобретает дискурсивно обусловленный «добавочный смысл», «более широкое значение», а дискурсивно значимыми фактами словесного образа в текстах исследуемых жанров выступают знания, ценностные установки и ориентиры, различные пресуппозиции» [4,

с. 98]. Так, творительный падеж сравнения *железными копытами* может вызвать в сознании мистический образ чёрта.

В нашем понимании слово как минимальная номинативная смысловая единица в тексте характеризуется образностью в том случае, если в определённом контексте это слово приобретает дискурсивно обусловленный индивидуально-образный смысл. Возникновение образности сопровождается семантическим изменением, семантическими смещениями, сосуществующими с исходным (прямономинативным) лексическим значением при фоновом сохранении общезыкового значения слова. В результате такого взаимодействия первичных и вторичных смыслов в художественных произведениях создаётся образность. Например, в рассказе А.И. Куприна «Дознание» для создания художественного образа солдата Байгузина используются перифрастические конструкции, сравнительные обороты, эпитеты, которые определяются творческими изысканиями писателя, объективируют запрограммированную автором концептуальную информацию. Так, при описании главного героя солдата Байгузина, обвинённого в краже чужого имущества, писатель использует следующие словесные образы: *«Байгузин поднял глаза, поглядел на переводчика тем немигающим и печальным взглядом, **каким смотрит на своего хозяина маленькая обезьянка**; ...на что Байгузин отвечал только своим **обезьяньим** взглядом; Этот защитник отечества был худ и мал, точно двенадцатилетний мальчик. Его **детское** лицо, **коричневое, скуластое** и совсем **безволосое, смешно и жалко** выглядывало из непомерно широкой шинели с рукавами по колени, в которой Байгузин болтался, как **горошина в стручке**; Подпоручик понимал, что если бы он так продолжал ходить весь вечер и всю ночь, вплоть до утра, то и **понурая фигура** продолжала бы так же неподвижно и молчаливо стоять на своём месте; Козловскому стало очень жаль **этого ребёнка в большой солдатской шинели**»*. Данные словесные образы объективируют наиболее значимую информацию в рассказе. Перифраз *защитник отечества* в сознании русского человека является культурно значимым и имеет определённый смысл: 'человек, способный всегда встать на защиту своей страны'. При этом он должен обладать хорошей физической силой и быть преданным своей отчизне. Однако сравнение Байгузина с двенадцатилетним мальчиком противоречит образу «защитника отечества». Метафора '**ребёнок в большой солдатской шинели**' подчёркивает это противоречие. Для образного изображения героя (солдат – ребёнок) писатель использует готовую языковую форму, которая активизирует соответствующие концепты и отношения. Концепт «ребёнок» в данном дискурсе объективирует определённые признаки, характерные для данной ситуации: наивность, незащищённость, неспособность постоять за себя. Данный дискурсивно-когнитивный образ «ребёнок» сочетает в себе предметную чувственность и дискурсивный смысл, а также отражает входящие в дискурс языковые и внеязыковые факторы. Дискурсивными элементами словесного образа выступают ассоциации с излагаемыми событиями, а также участники этих событий. Как известно, А.И. Куприн окончил военное училище и служил офицером в русской армии. Произвол, пьянство, непрофессионализм высших офицерских чинов, по мнению А.И. Куприна, – одна из причин поражения царской армии в Русско-японской войне.

Таким образом, дискурсивная образность – это свойство единиц лексико-семантического и фразеологического уровней обозначать определённое явление внеязыковой действительности в ассоциативной связи на основе их сходства в коммуниктивно-событийном осмыслении.

Дискурсивная образность в художественных текстах возникает в результате лингвокреативного мышления и экстралингвистических факторов, обусловленных особенностями человеческого познания. Эмоциональное отражение художественной действительности в произведениях словесного твор-

чества вербализуется различными средствами стилистической маркированности. Художественные тексты выступают не только как продукт дискурса, но и как источник сведений, не ограниченный языковым содержанием.

Список литературы

1. Алефиренко Н. Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры / Н. Ф. Алефиренко. – Москва : Academia, 2002. – 394 с.
2. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка (стилистика декодирования) / И. В. Арнольд. – Ленинград : Просвещение, Ленинградское отделение, 1981. – 295 с.
3. Беззубикова М. В. Внутренняя форма слова как средство создания образности в прозаических текстах малых жанровых форм / М. В. Беззубикова // Гуманитарные исследования. – 2008. – № 3. – С. 23–30.
4. Беззубикова М. В. Словесный образ в системе речемыслительной деятельности (на материале малых жанровых форм) / М. В. Беззубикова // Гуманитарные исследования. – 2008. – № 4. – С. 95–102.
5. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова / РАН ; Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – Москва : А ТЕМП, 2004. – 944 с.
6. Солодуб Ю. П. Образность фразеологизмов и фразеологическая номинация / Ю. П. Солодуб // Фразеологическая номинация. Особенности семантики фразеологизмов. – Ростов н/Д. : Изд-во Ростов. ун-та, 1989. – С. 4–12.
7. Юрина Е. А. Образный строй языка / Е. А. Юрина. – Томск : Изд-во Томск. ун-та, 2005. – 156 с.

References

1. Alefirenko N. F. Pojeticheskaja jenergija slova. Sinergetika jazyka, soznanija i kul'tury. Moscow, Academia, 2002. 394 p.
2. Arnol'd I. V. Stilistika sovremennogo anglijskogo jazyka (stilistika dekodirovanija). Leningrad, Prosveshhenie, 1981. 295 p.
3. Bezzubikova M. V. Vnutrennjaja forma slova kak sredstvo sozdanija obraznosti v prozaicheskikh tekstah malyh zhanrovovyh form // Gumanitarnye issledovanija, 2008, № 3, pp. 23–30.
4. Bezzubikova M. V. Slovesnyj obraz v sisteme rechemyslitel'noj dejatel'nosti (na materiale malyh zhanrovovyh form) // Gumanitarnye issledovanija. 2008, № 4, pp. 95–102.
5. Ozhegov S. I., Shvedova N. Ju. Tolkovoj slovar' russkogo jazyka. 4th ed. Moscow, A TEMP, 2004. 944 p.
6. Solodub Ju. P. Obraznost' frazeologizmov i frazeologicheskaja nominacija // Frazeologicheskaja nominacija. Osobennosti semantiki frazeologizmov. Rostov-on-Don, Rostov University Publ., 1989. pp. 4–12.
7. Jurina E. A. Obraznyj stroj jazyka. Tomsk, Tomsk University Publ., 2005. 156 p.